

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

**Новый взгляд на роль Русской революции
в процессе становления Версальского порядка****А. В. Бодров*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Бодров А. В. Новый взгляд на роль Русской революции в процессе становления Версальского порядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 396–402. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.309>

Рецензия на коллективную монографию «Война, революция, мир» сосредоточивает внимание на влиянии революционных событий в России на формирование Версальской системы. Отмечается новизна подходов авторов. Они в полной мере учитывают не только дипломатическое, но и военно-стратегическое измерение международных отношений 1920-х годов, а также значение искажающего эффекта восприятия ситуации политическими элитами западноевропейских стран и руководством СССР. Оправданно и рассмотрение процесса становления новой системы международных отношений на широком отрезке. Вместе с тем определение «точки невозврата» к прежней Венской системе международных отношений в ходе Первой мировой войны остается дискуссионным вопросом. В рецензируемой книге отражен и общий контекст насущных проблем мирного урегулирования и международных отношений 1920-х годов. Хотя книга и посвящена фактору Русской революции в процессах перестройки мировой системы, у читателя не возникает ложного ощущения, что вся дипломатия того периода вращалась исключительно вокруг «русского вопроса» и определялась им, чем порой грешила советская историография. Автор рецензии приходит к выводу, что коллективный труд специалистов МГИМО делает более зримым воздействие событий в России на процесс становления Версальского порядка, несмотря даже на то, что в начале 1920-х годов последняя оказалась в положении страны-изгоя, а не полноправного участника новой системы. Проведенному исследованию удалось продемонстрировать взаимовлияние протекавших в послевоенной Европе бурных процессов. Оно не только отвечает на целый ряд актуальных вопросов, но и выдвигает гипотезы, приглашающие к дальнейшему анализу и дискуссии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Версальская система, Русская революция 1917 года, Советская Россия, международные отношения.

* [Рец. на кн.]: Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925: коллективная монография / под ред. А. В. Ревякина. М.: Аспект Пресс, 2019. 496 с.

Центральной проблемой рецензируемой монографии является определение степени влияния Русской революции на крушение старого и построение нового, Версальского, миропорядка. Сама постановка проблемы несет в себе элемент новизны, но этим новизна не исчерпывается. Так, в частности, авторы предлагают рассмотрение заявленной проблемы в новых хронологических рамках, которые включают в себя большую часть Первой мировой войны. Отрезок в десять лет обусловлен фокусировкой на процессе глубокой трансформации системы международных отношений: от «точки невозврата» к довоенному порядку до относительной стабилизации новой системы. Сюда хорошо вписывается и набирающая популярность концепция «Великой русской революции» как не одномоментного события, а длительного процесса. Кроме того, важно учитывать, что в рассматриваемый период перемены происходили не только на востоке Европы. Обновление политических элит способствовало тому, что формирование новой системы стало результатом усилий и компромиссов большого числа акторов. Она не была чьим-то стройным замыслом и едва ли может ассоциироваться исключительно с версальской «большой тройкой»: В. Вильсоном, Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джорджем. Все это делает широкие рамки оправданными.

Столь же широк и охват проблематики. Она в полной мере учитывает не только дипломатическое, но и военно-стратегическое измерение международных отношений 1920-х годов, а также значение искажающего эффекта восприятия ситуации политическими элитами западноевропейских стран и руководством СССР. Оценка этого восприятия строится на огромном числе свидетельств и выходит далеко за рамки лиц первого ряда. Затронут и так называемый гуманитарный аспект «русского вопроса», воплотившийся в феномене беженства. Эта проблема, надо отметить, на глубоком уровне изучается отечественными исследователями относительно недавно. Подобная всеохватность стала возможной благодаря тому, что коллективу авторов удалось привлечь большой массив разнообразных источников, в том числе материалы зарубежных и российских архивов. Некоторые из документов вводятся в научный оборот впервые.

Исследование выдвигает также несколько гипотез. Во-первых, предположение о том, что революция в России существенно способствовала крушению прежней (Венской) системы международных отношений и, во-вторых, что именно революция сделала невозможным восстановление после войны прежнего порядка, даже в обновленном виде. В-третьих, революция явилась важным фактором в процессе формирования нового международного порядка. Наконец, в-четвертых, она послужила катализатором перемен, которые, с одной стороны, способствовали стабилизации послевоенной системы, но, с другой стороны, объективно ее расшатывали. Последнее, насколько можно понять, было связано с выдвинутым принципом «права наций на самоопределение». Новые национальные государства становились естественными защитниками нового порядка. Вместе с тем их многочисленные противоречия систему объективно ослабляли. Авторы не ставят точку в дискуссии вокруг степени влияния событий в России на послевоенную систему. Однако приведенные в монографии многочисленные конкретные примеры не оставляют сомнений в том, что это влияние было значительным.

В рамках рассматриваемого десятилетия авторами выделяются четыре основных сюжета: (1) отношения России с союзниками в период Первой мировой войны,

(2) судьба имперского пространства в годы Гражданской войны в России, (3) «русский фактор» в процессе мирного урегулирования и (4) советская внешняя политика и положение России в новой системе. При этом авторы отказались от выделения четких границ периодов. Фактически мы имеем дело с несколькими историческими срезами, которые хронологически отчасти накладываются друг на друга. В частности, период Гражданской войны в России включает в себя сюжет советизации Закавказья и образование СССР. Большим плюсом исследования является стремление учитывать происходящее на всем пространстве бывшей Российской империи. Авторы в полной мере воздают должное важности отражения взаимовлияния обозначенных выше параллельно протекавших процессов.

Авторы отразили и общий контекст насущных проблем мирного урегулирования и международных отношений 1920-х годов. Хотя книга и посвящена фактору Русской революции в процессах перестройки мировой системы, у читателя не возникает ложного ощущения, что вся дипломатия того периода вращалась исключительно вокруг «русского вопроса» и определялась им, чем порой грешила советская историография. Удалось отойти и от ряда других устоявшихся клише и мифов. Фактически разделы монографии попеременно переключают ракурс: читатель получает возможность взглянуть на происходящее как из европейских столиц и Вашингтона, так и из Москвы.

Сама форма подачи материала имеет прицелом использование монографии в качестве учебного пособия для студентов-международников. Отсюда дробная структура с выделением небольших по объему, соразмерных и логически законченных параграфов, разнообразие исторических сюжетов, доступность и живость изложения. Вполне естественно, что состав авторского коллектива оказал свое влияние на освещение темы. С одной стороны, несомненным достоинством стало то, что все главы написаны признанными авторитетными специалистами. С другой стороны, работа все же не свободна от некоторой выборочности как неизбежной спутницы любого исторического исследования.

Как пример, в рамках первой части монографии, посвященной периоду Первой мировой войны, дилеммы стратегии и дипломатии Франции получили значительно более подробное изложение, нежели Великобритании или иных держав. Зато в части, посвященной мирному урегулированию, роль Парижа не получает отдельного рассмотрения. Взамен подробно представлены подходы к мирному урегулированию Великобритании и США. Но при этом несомненным достоинством раздела является то, что все не ограничивается политикой великих держав. В полной мере раскрыты проблемы становления независимых Польши, Чехословакии, Югославии, стран Балтии и Армении. Это придает общей картине важное дополнительное измерение, поскольку жизнеспособность новой системы в немалой степени зависела и от разрешения многочисленных локальных конфликтов. Новаторским можно считать выделение в качестве самостоятельного сюжета стран «санитарного кордона» как потенциальной угрозы в оценках советского политического и военного руководства. Как наглядно демонстрирует И. Э. Магадеев, военный потенциал ближайших западных соседей учитывался в Москве в полной мере и даже несколько преувеличивался.

Несомненным достоинством является и то, что при рассмотрении политики Советского государства в международных отношениях первой половины 1920-х

годов выдержан необходимый баланс: дальневосточному направлению также уделено внимание, пусть и менее пристальное. Здесь А. Ю. Сидоровым, главным образом, выделено место «монгольского вопроса» в советско-китайских отношениях и значимая роль, сыгранная Дальневосточной республикой в процессе купирования «японской угрозы». Отражает ли это тем самым второстепенность направления в системе приоритетов советской внешней политики? Прямого ответа на этот вопрос текст не дает. Само мирное урегулирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе и борьба здесь основных игроков играют в изложении в большей степени роль фона.

Исследования, объединенные под обложкой рассматриваемого труда, выгодно отличаются стремлением к взвешенным оценкам и объективности. Так, в частности, в числе общих выводов коллективной монографии обращает на себя внимание критика не только творцов Версальского миропорядка, но и позиции советского руководства. Последнее поначалу слишком увлекалось иллюзиями «мировой революции» и упустило шанс внести свой вклад в то, чтобы новый миропорядок был подлинно демократическим (с. 492). Вместе с тем фактически признается, что само представление большевиков о сущности «демократии» едва ли могло найти понимание их потенциальных партнеров за столом переговоров.

Широта охвата затронутой в книге проблематики исключает возможность коснуться в равной мере всех затронутых интересных и дискуссионных вопросов. Позволю себе поэтому остановиться лишь на некоторых из них.

Читателя может удивить то, сколь много места уделяется в рамках первого раздела рецензируемой монографии французскому военному представительству в России как составному элементу «военной дипломатии». Однако такое внимание далеко не случайно. Роль иностранных военных миссий в России в годы Первой мировой войны как связующих нитей между союзниками по достоинству признана современными отечественными исследователями. На данный момент особенно хорошо изучены французские военные миссии в России. Им посвящен целый ряд работ А. Ю. Павлова, статьи Ю. М. Галкиной, О. С. Даниловой, Т. В. Краевой, Л. В. Слуцкой. В 2019 г. вышла монография А. Ю. Павлова и Ф. Гельтона — сама по себе плод русско-французского научного сотрудничества [1]. Совсем недавно на эту же тему в Уральском федеральном университете (УрФУ) была успешно защищена кандидатская диссертация Ю. М. Галкиной [2]. Главы, написанные А. В. Ревякиным, позволяют закрыть целый ряд белых пятен в том, что касается роли военных миссий как специфического инструмента французской внешней политики.

Привлеченные материалы Архива Министерства обороны Франции дополнительно позволили А. В. Ревякину предложить интересное объяснение действиям французской дипломатии весной — летом 1917 г., увязав ее «русскую политику» с попытками побудить Австро-Венгрию к сепаратному миру. Утверждается, что в успех русского летнего наступления в Париже всерьез не верили, видя в последнем скорее козырь в дипломатической многоходовке. Отражена и борьба двух точек зрения во Франции: первая призывала к определенным жертвам во имя общего дела, вторая — поступиться интересами союзников, при необходимости, дабы обеспечить «славный мир» для собственной страны (с. 77–79). Вопрос, однако, в том, обеспечивал бы такой мир за счет союзников долгосрочную безопасность? Риск, лишившись союзников, остаться один на один с вчерашними противниками в том

же Париже в полной мере учитывался. Именно поэтому с сентября 1914 г. был так привлекателен идеал «окончательной победы», которая лишала бы побежденных надежд на скорый реванш.

А. В. Ревякин критикует отношение французского руководства к России и считает, что то преднамеренно посадило «союзную армию на голодный или полуголодный паек материально-технического снабжения» (с. 48). С лета же 1917 г., как пишет автор, западные союзники и вовсе бросили Россию на произвол судьбы как «отработанный материал» (с. 80). Эти выводы все же кажутся несколько категоричными. При всем разочаровании происходящим в России французская дипломатия просто не могла себе позволить «списать со счетов» такую крупную величину. Политика, как известно, есть искусство возможного, и западные дипломаты не могли не рассматривать разные стратегии, которые в конкретный момент казались более осуществимыми.

Интересно поразмышлять и о водоразделе между старым и новым международным порядком. Авторы монографии предлагают в качестве такового зиму 1914/15 гг. Именно тогда затяжной характер конфликта стал очевиден, подталкивая великие державы к пересмотру преследуемых в нем целей. Если вначале речь шла не о кардинальной перекройке политической карты Европы, а лишь о получении перевеса в свою пользу в рамках существующей системы, то в 1915 г. «начал явственно трещать по швам и осыпаться весь прежний жизненный уклад» (с. 8). С этим во многом можно согласиться. Однако, как представляется, ни так называемая «сентябрьская программа» Т. Бетман-Гольвега, ни проекты будущего мира, выдвинутые осенью 1914 г. в беседах с дипломатическими представителями союзников С. Д. Сазоновым и Николаем II, по своей радикальности проектам последующих лет не уступали. Оценка целей войны основными участниками, степень их «ужесточения» или, напротив, смягчения по отношению к противникам в 1914–1917 гг. остаются предметом научной дискуссии¹.

При этом стоит повториться, что включение периода войны в рассмотрение обстоятельств зарождения нового миропорядка кажется оправданным. Говоря о «факторе России», к этому можно добавить, что опыт союзничества и вовлечения в дела России западных стран, прежде всего Франции и Великобритании, оставил свой глубокий отпечаток и на их политике в период Гражданской войны.

Не все просто и с определением верхней границы периода. Судьбоносность Локарно как некоего «итогового рубежа» ставится ныне под сомнение некоторыми западными историками. П. Джексон, в частности, доказывает, что для французской внешней политики «Локарно» было не «конечным», а лишь «промежуточным пунктом» на пути к послевоенной системе безопасности [7, р. 469]. Кроме того, СССР не участвовал в Локарнских соглашениях даже косвенно. Однако реальность стабилизации послевоенного международного порядка в середине 1920-х годов не вызывает сомнений. Для самого Советского государства 1924–1925 гг. также были

¹ Например, если Ф. Фишер считал «сентябрьскую программу» Бетман-Гольвега верным отражением гегемонистских устремлений Германской империи [3], то Ж.-А. Суту рассматривает этот документ лишь как «проект по случаю», от которого германский канцлер сам же быстро отказался [4]. В рамках дискуссии вокруг целей войны для России можно выделить работы Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе [5] и Г. Линке [6].

важнейшим рубежом, пусть, как хорошо показано в книге, и не покончили с «военными тревогами», столь характерными для прежних лет.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что коллективный труд специалистов МГИМО делает более зримым воздействие событий в России на процесс становления Версальского порядка, несмотря даже на то, что в начале 1920-х годов последняя оказалась в положении страны-изгоя, а не полноправного участника новой системы. С учетом масштабности и стремительности перемен в этот один из самых динамичных периодов в истории международных отношений, достигнутый авторами результат носит поистине титанический характер. Проведенное исследование является современным во всех отношениях. Ему удалось продемонстрировать взаимовлияние протекавших в послевоенной Европе бурных процессов. Оно не только отвечает на целый ряд актуальных вопросов, но и выдвигает гипотезы, приглашающие к дальнейшему анализу и дискуссии.

Литература

1. Павлов А., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019. 248 с.
2. Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 39 с.
3. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.
4. Soutou G.-H. L'Or et le Sang. Les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Paris: Fayard, 1989. 963 p.
5. Schimmelpenninck van der Oye D. Russia's War Aims // Bid for World Power? New Research on the Outbreak of the First World War / ed. by Andreas Gestrich and Hartmut Pogge von Strandmann. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 335–354.
6. Linke H. G. Das zaristische Russland und der Erste Weltkrieg. Diplomatie und Kriegsziele 1914–1917. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1982. 337 S.
7. Jackson P. Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 577 p.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2019 г.

Статья рекомендована к печати 25 июня 2019 г.

Контактная информация:

Бодров Андрей Владимирович — канд. ист. наук, доц.; a.bodrov@spbu.ru

A new perspective on the role of the Russian Revolution in the process of formation of the Versailles order

A. V. Bodrov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bodrov A. V. A new perspective on the role of the Russian Revolution in the process of formation of the Versailles order. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 396–402. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.309> (In Russian)

This review of the multi-author book *War, Revolution and Peace* focuses on the influence of the Russian Revolution of 1917 on the formation of the Versailles system. The novelty of the

authors' approach is pointed out. They fully take into consideration not only diplomatic but also military strategic dimensions of international relations of the 1920s as well as the importance of the distorting effect of perception of the situation by political elites of Western European countries and Soviet leadership. The examination of the establishment of a new system of international relations as a long-term process also seems to be justified. However, the determination of the "point of no return" to the previous Vienna system of international relations during World War I is still controversial. The book under consideration reflects the general context of the most vital problems of the peace settlement and international relations of the 1920s as well. Although the book is dedicated to the Russian revolution factor in the process of reconstructing the world system, it does not instill the false idea that the diplomacy of that period revolved exclusively around the "Russian question" — as was sometimes the fault of Soviet historiography. The author of this review comes to the conclusion that the collective work by collaborators from the MGIMO University makes the influence of events in Russia on the becoming of the Versailles order much more visible, despite the fact that the Russia itself turned out to be a pariah state and not a full-fledged member of the new system. The research has managed to demonstrate the interaction of stormy processes in postwar Europe. The book not only suggests a number of answers but also puts forward hypotheses which prompt further analysis and discussion.

Keywords: World War I, Versailles system, Russian revolution of 1917, Soviet Russia, international relations.

References

1. Pavlov, A., Gelton F. (2019), *In the cabinets and trenches: French military missions in Russia during the World War I.*, RHGA Publ., St. Petersburg, 248 p. (In Russian)
2. Galkina, Iu. M. (2019), *French military mission in Russia during the World War I*, PhD Thesis abstract, Ekaterinburg, 39 p. (In Russian)
3. Fisher, F. (2017), *Breakthrough to world dominance. Policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918*, ROSSPEN Publ., Moscow, 677 p. (In Russian)
4. Soutou, G.-H. (1989), *L'Or et le Sang. Les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale*, Fayard, Paris, 963 p.
5. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2017), Russia's War Aims, in *Bid for World Power? New Research on the Outbreak of the First World War*, ed. by Gestrich, A. and Pogge von Strandmann, H., Oxford University Press, Oxford, pp. 335–354.
6. Linke, H. G. (1982), *Das zaristische Russland und der Erste Weltkrieg. Diplomatie und Kriegsziele 1914–1917*, Wilhelm Fink Verlag, Munich, 337 p.
7. Jackson, P. (2013), *Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War*, Cambridge University Press, Cambridge, 577 p.

Received: June 20, 2019

Accepted: June 25, 2019

Author's information:

Andrei V. Bodrov — PhD in History, Associate Professor; a.bodrov@spbu.ru